

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141

О. П. Ермакова
Калуга, Россия

O. P. Ermakova
Kaluga, Russia

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ И ДЕИНТЕНСИФИКАТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ИРОНИИ

INTENSIFIERS AND DEINTENSIFICATION IN IRONIC CONTEXTS

Аннотация. В статье рассматривается роль интенсификаторов и деинтенсификаторов (уменьшителей степени признака) в иронических контекстах. Предварительно анализируются особенности тех и других групп слов, выявляются их сочетаемостные различия, продуктивность и непопулярность интенсификаторов и непродуктивность деинтенсификаторов. Отмечается, что эти два типа слов, употребляющиеся в иронических контекстах, по-разному «служат» иронии: интенсификаторы, как правило, не являются обязательными (сами на иронию «не работают»: они лишь усиливают иронический смысл, но не обязательны и могут быть даже опущены), в то время как деинтенсификаторы, напротив, в иронических сочетаниях играют самую активную роль: часто именно они заключают в себе иронию, и опущение их возвращает значение к буквальному.

Особый вопрос, затрагиваемый в статье, – зависимость иронического значения от формы словосочетания, синтаксической функции и модальности высказывания. Так, форма компаратива и ирреальной модальности высказывания в равной мере противятся иронии. Очевидно, дело в том, что и то, и другое преобразование фактически отрицает признак как присущий субъекту, а насмешливое утверждение его присутствия и составляет суть иронии в таких высказываниях.

Ключевые слова: ирония, деинтенсификаторы, интенсификаторы, модальность, предикативность, контекст.

Abstract. The article discusses the role of intensifiers and deintensification (the minimised degree sign) in ironic contexts. Pre-analyzes the characteristics of both groups of words, identify their co-occurrence differences, the productivity and unpopular of intensifiers and unproductive of deintensification. It is noted that these two types of words used in ironic contexts, «serve» irony in different ways: intensifiers, as a rule, are not mandatory (they «do not work» for irony themselves, they only reinforce the ironic sense, but not mandatory, and may even be omitted), while deintensification, on the contrary, play an active role in ironic combinations: they often embody the irony, and their omission returns the meaning to the literal.

A particular issue raised in the article is the dependence of the ironic values on the form of collocations, syntactic function and modality of the utterance. Thus, the shape of comparative and unreal modality of statements are equally opposed to irony. Obviously, the fact that the one and the other denies the conversion actually a sign of how the subject peculiar and ironical approval of its inherence is the essence of irony in such statements.

Key words: irony, deintensification, intensifiers, and modality, predicativity, context.

Сведения об авторе: Ермакова Ольга Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru; ermakowa_olga@mail.ru

About the author: Ermakova Olga Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Russian language Department.

Place of employment: Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky.

Известно, что ирония – категория семантическая – манипулирует значениями слов, рождает энантиосемию, иронические виды тропов – ироническую метафору, ироническое сравнение и т.д. Но она также категория прагматическая: ее структура отражает отношения между участниками

речевого акта – субъектом, объектом и наблюдателем.

K. Kerbrat-Orecchioni определяет иронию как троп семантико-прагматичный [1 : 112].

Известно также, что большинство иронических высказываний (хотя не все) опираются на контекст, фоновые знания, ситуацию,

вне связи с которыми иронический смысл может быть понят как буквальный. Так, высказывания он *душевный такой парень* воспринимается иронически только, если известно, что он подл и жесток. А слова Фамусова о Софье «ведь я ей несколько сродни» заключают в себе иронию, поскольку читатель оповещен, что Софья его дочь. Но наблюдения показывают, что ирония не всегда нуждается в контексте, ироническое высказывание может быть самодостаточным. Например: *он был немножко честным и чуточку порядочным*. Сочетания такого типа будут рассмотрены немного ниже.

Исследователями отмечено, что ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, не любит умеренности [2]. Эта высокая степень может быть в самом обозначении признака (*Гений! Прекрасно! Чудный!* и т.п.). Но часто выражается сочетанием с интенсификаторами – *Очень мило! Потрясающе интересный!*). Однако, нередко ирония использует и средства преуменьшения степени, так называемые анти- или деинтенсификаторы: он *чутьочку завистлив* (*крошечку, капельку*), *немножко скуповат* – если известно, что ужасно завистлив, невероятный скряга и т.п.

В связи с этим выскажу предварительно некоторые общие замечания об уменьшителях и об увеличителях степени и отношении их к иронии.

При довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов в русском языке антиинтенсификаторы представлены несколькими словами: *немного, немножко, чуть-чуть, чутьочку, капельку, крошечку*. Среди местоименных наречных слов нет уменьшителей степени проявления признака, но есть увеличители – *так, как, настолько, насколько. Молчалин прежде был так глуп* (А. Грибоедов. Горе от ума); *Он (переулок) так мал, по нем так редко ходят, он далек от центра и трамвая* (В. Инбер. Переулок моего имени). В сочетаниях с любым прилагательным *так* синонимично слову *очень* (или *ужасно, страшно* и т.п.). Аналогично, выражая значение степени, может употребляться и *как*. *Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели!* (А. Чехов. Вишневы сад).

В одной работе Н. Д. Арутюнова пишет: «Эмоции побуждают человека постоянно прибегать к преувеличениям и к преуменьшениям. Лексикон количественных значений легко метафоризируется. На его основе создаются риторические приемы: гипербола,

литота, эмфаза» [3 : 20]. Человек, очевидно, больше склонен преувеличивать, чем преуменьшать. Это наблюдается не только в самих интенсификаторах, но и, как правило, в таких тропах, как метафора и сравнение. Фактически все метафоры гиперболичны: сходство человека с животным или предметом всегда носит преувеличенный характер: *медведь, змея, спичка, щепка, бочка, калача* и др. Многие сравнения также: *бледный как мел, топают как слон* и т.п. А литота, как было замечено лингвистами – сплошь и рядом оборачивается гиперболой: ср. *клоп, блоха* и т.п. могут быть истолкованы как сильное преувеличение маленького размера. Этой психологической особенностью, большей склонностью человека к преувеличению, чем к преуменьшению, возможно, и объясняется различие в количестве интенсификаторов и их антонимов.

Интенсификация в русском языке выражается не только наречиями, но и прилагательными – *ужасная бедность, ужасно бедный*. Прилагательных деинтенсификаторов нет. Отметим также, что состав уменьшителей не пополняется, в то время как увеличители степени признака представляют собой продуктивную группу, прежде всего в жаргонно-разговорной речи. Ср. *супер, суперски, суперский, классно, классный, офигительный, офигительно*, и глагольными формами – *обалдеть! Умереть не встать! Зашибись!* и т.д.

Как отмечает Е. М. Вольф, интенсификация является оценочной категорией [4 : 138–140]. Естественно, и уменьшение степени признака – тоже. Как и оценка, количественная семантика бывает общей и частной. Среди интенсификаторов нейтральными, заключающими в себе общую оценку, можно считать слова *очень* и *совершенно*, выражающими чисто количественное значение «без примеси» другой семантики. Близки к ним *ужасно, страшно*, но они имеют некоторую эмоциональную окраску. Большая же часть интенсификаторов совмещает идею количества с другими семами: *неуловимо тонкий, необозримо широкий, потрясающе увлекательный, щемяще печальный* и т.д. Это подробно рассмотрено Е. Кржижковой [5 : 122–145].

Как показали наблюдения, многие интенсификаторы, значение которых осложнено другими семами, в сочетании с определяемыми имплицитно содержат причинно-следственные отношения [6 : 278–279 ; 7]. Ср.: *Он был возмутительно независим и*

богат – «так богат и независим, что это возмущало»; *Девушка за стойкой выглядела удручающе прекрасной* (Т. Устинова. Третий четверг ноября). Для уменьшителей степени признака такие отношения не характерны по самой их природе: следствие порождается высокой, превышающей норму степени признака.

Ирония, как уже отмечалось, может выражаться путем отрицания интенсификаторов (употребление с частицей *не*) Ср.: *Действительно, Варвара Петровна не совсем походила на красавицу: это была женщина высокая, желтая, костлявая, с чрезмерно длинным лицом, напоминавшим что-то лошадиное* (Ф. Достоевский. Бесы); *...когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосие, но (как бы помягче выразиться) не вполне Верди* (Нов. газ. 11-13.10.04).

– *Экий ты младенец!* – *Сказала Пегготи* (речь идет о ее пожилым брате. – О. Е.)

– *Не очень-то я похож по виду на младенца.*

– *Не особенно, – согласилась Пегготи* (Ч. Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим пер. А. Кривцовой и Е. Ланна).

Деинтенсификаторы с *не* не употребляются.

Иронические высказывания с увеличителями и уменьшителями степени признака различаются интонационно. Предложениям с *чутьточку* и под. обычно не свойственна восклицательная интонация, которая очень характерна для иронии с выраженным или невыраженным интенсификатором.

– *Замечательно, – сказал Платон Лэгран таким тоном, каким обычно говорят: «Какой ужас!»* (Т. Устинова. Третий четверг ноября).

При некоторых отмеченных различиях у интенсификаторов и антиинтенсификаторов есть одна общая черта – они предельны: сами они не порождают других значений [3 : 274–276].

Наблюдения показывают, что интенсификаторы и их антонимы несколько отличаются в отношении к иронии. Интенсификаторы, как правило, усиливают иронический смысл, но на сами интенсификаторы ирония обычно не распространяется. Иронически переосмысливается только интенсифицируемый признак. Так, если иронически употребляются оценки *чрезвычайно интересный* (разговор, человек, спектакль и т.п.), *необычно-*

венно увлекательный, ужасно веселый (вечер, роман, фильм) и т.п., интенсификаторы не приобретают значения невысокой степени признака. Ирония оставляет прежним значение интенсификатора, но в приложении к противоположным характеристикам: *чрезвычайно интересный – чрезвычайно неинтересный, ужасно веселый – ужасно скучный*. И опущение интенсификатора не изменяет иронии, хотя и несколько ослабляет иронический пафос. Именно поэтому при варьировании интенсификаторов иронический смысл остается неизменным: *Иван Грозный был очень душевным человеком (не очень душевным, довольно душевным, потрясающе, невероятно и т.д.)*. Но и без интенсификаторов ирония сохраняется, выражая значение противоположенное буквальному. Ср. также: *Как вы понимаете, сломанная нога сильно украсила мой отдых в Турции (не сильно украсила)* или – *Сломанная нога украсила мой отдых*.

Напротив, деинтенсификаторы часто заключают в себе весь иронический смысл. Ср. поговорку: *Бог не Ерощка, видит немножко; Яго был чутьточку завистлив и немножко коварен; Красавица была немножко прихотлива: сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен, и в лентах, и в чести, и молод был бы он – ну, чтобы все имел* (И. Крылов) и т.д. Опущение деинтенсификаторов возвращает текст к буквальному значению отрицательной характеристики лица.

Таким образом, наблюдения показывают, что в иронических контекстах интенсификаторы и антиинтенсификаторы «служат» иронии по-разному. И в некоторых случаях главную роль могут играть уменьшители степени проявления признака. Как можно заметить, деинтенсификаторы преимущественно употребляются с названиями признаков со знаком минус. Другие случаи – сочетание с обозначением признаков, не имеющих оценочных знаков: *Широкий – узкий, далекий – близкий, глубокий – мелкий, длинный – короткий* и др. Так в ситуации, когда женщина надевает платье, явно ей очень узкое, высказывание – оно тебе *чутьточку узко* звучит иронически и опущение *чутьточку* разрушает иронию. Но в этой же ситуации насмешливый комментарий – оно тебе *капельку широко* делает деинтенсификатор не обязательным.

Но есть иронические употребления, не требующие фоновых знаний. Само объединение смыслов в словосочетании с антиинтенсификаторами может быть только ирони-

ческим. Речь идет о прилагательных, называющих признаки, которые в сущности не могут градуироваться: *честный, порядочный, совестливый*. Человек или порядочный или непорядочный, честный или нечестный, но степени порядочности, как и честности, не бывает. Однако сплошь и рядом встречаются сочетания *очень порядочный, удивительно честный, ужасно совестливый* и т.п. Язык допускает избыточность. Ср., например, выражение *искренне любить*, хотя совершенно ясно, что неискренне любить нельзя. Но сочетания таких прилагательных с антиинтенсификаторами могут восприниматься только иронически: *он немножко добросовестный, чуточку порядочный, капельку честный*. Ср.: *Замечу лишь, что это был человек даже совестливый, то есть иногда* (Ф. Достоевский. Бесы). *Она хотела быть несколько доброй* (Ф. Достоевский. Бесы).

Разумеется, это не единственный пример того, когда ирония выражается сочетанием смыслов в пределах словосочетаниях и не нуждается в контексте. Ср., например, – *лицо не обезображенное интеллектом, элита второй свежести*, но предметом нашего внимания являются сочетания с антиинтенсификаторами.

Есть и другие случаи, когда в исходной форме семантика прилагательного логически допускает только интенсификацию признака и сочетание с деинтенсификаторами может быть только ироническим: *чуточку известен, капельку прославлен, немножечко знаменит* и под. Ср.: *В солидном учреждении имеется свой, почти настоящий, почти профессиональный и даже чуточку известный сочинитель* (В. Аксенов. Зеленые берега).

Можно было бы ограничиться тем, что перед нами несочетаемость смыслов, приводящая к иронии. Но на самом деле важно не только это. Сочетаемость тех же смыслов может совсем не быть ироничной. Ср.: *капелька честности в отношении партнеров была бы не лишней; хотелось бы видеть хоть чуточку порядочности в нашей жизни; Чуточку чуткости, капельку кротости – и цены бы им не было* (Д. Карапетян, В. Высоцкий. Воспоминания). Очевидно, что такое сочетание вне предикации, характеристики лица, само по себе не создает иронии. Кроме того, видимо, существует и парадигматическая ограниченность иронического значения. Рассмотрим такое ограничение. В отличие от интенсификаторов «уменьшите-

ли» сочетаются с компаративом (независимо от того, соотносится компаратив с прилагательным, наречием или безлично-предикативными словами): *Он чуточку (капельку, крошечку, немножечко) умнее брата, стал заниматься чуточку серьезнее, сегодня капельку теплее; Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше* (М. Булгаков. Театральный роман); *Швейцары обычно знают все и чуточку больше* (Е. Козырева. Дамская охота).

Сочетаемость с формами компаратива интенсификаторам не свойственна. Ср.: *Она очень красива, но не она очень красивее сестры; Совершенно удивительная ситуация, но не эта совершенно удивительнее той*. Исключение составляют слова *значительно, намного, несравненно* и некоторые другие, «привязанные» к сравнительной степени и не сочетающиеся с исходной формой прилагательного. Ср.: *намного умнее, но не намного умный. Они знали, что без нее не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут* (Т. Устинова. Персональный ангел).

Замена прилагательного *порядочный* в сочетании *чуточку порядочный* компаративом снимает иронический смысл: *Был бы он чуточку порядочнее, все могло бы сложиться иначе; Он немножко совестливее брата*.

Уже лишено иронии – *он чуточку более знаменит, чем его брат, немножко более известен, чем сын* и т.п. Сопоставительная семантика компаратива и относительность степени признака снимает в этих случаях ироничность (в настоящее время не все лингвисты относят к компаративу конструкцию с *более*, но я разделяю точку зрения, традиционную в отечественном языкознании).

Очевидно, что для иронии не всегда важна только сочетаемость смыслов. Объяснение здесь заключается не в форме слова (если компаратив – форма), а в ее семантике. Относительное значение компаратива не содержит утверждение, что субъект обладает названным признаком и неизвестно, в какой мере обладает им его брат.

Кроме того, определенную роль может играть и модальность высказывания, уже вне связи с компаративом. Замена реальной модальности предположительной снимает ироничность высказывания: *Был бы он хоть капельку порядочным, не взялся бы за это дело*.

Форма компаратива и ирреальной модальности высказывания как будто не лежат на одной плоскости, но в равной мере противятся иронии. Очевидно, дело в том, что и то, и другое преобразование фактически отрицает признак как присущий субъекту, а насмешливое утверждение его присутствия и составляет суть иронии в таких высказываниях.

Таким образом, то, что в исследуемом материале, на первый взгляд, представляется только сочетаемостью смыслов, оказывается в зависимости от формы прилагательного, его синтаксической функции или модальности высказывания.

Иначе говоря, некоторые иронические значения могут быть парадигматически и синтаксически ограничены.

Повторю основные положения статьи.

1. Ироничность высказывания может выражаться не только преувеличением степени признака, но и явным уменьшением его.

2. И для преувеличения, и для преуменьшения часто используются специальные средства – интенсификаторы и деинтенсификаторы.

3. Интенсификаторы, как правило, сами на иронию «не работают». Они лишь усиливают иронический смысл, но не обязательны и могут быть даже опущены. Деинтенсификаторы, напротив, в иронических сочетаниях играют самую активную роль. Часто именно они заключают в себе иронию, и опущение их возвращает значение к буквальному.

4. Неустойчивость иронического значения может быть связана с изменением формы словосочетания, синтаксической функции иронизма и модальности высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kerbrat-Orecchioni C. Ironia jako trop // Ironia. Archiwum przekładów Pamiętnika Literackiego / pod red. M. Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz. Teritoria, 2002. S. 109–145.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Т. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ермакова О. П. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии // Жанры речи. 2016. №1. С. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141.

3. Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М. : Индрик, 2005. С. 5–20.

4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.

5. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М. : Наука, 1974. С. 122–145.

6. Ермакова О. П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М. : Индрик, 2005. С. 272–280.

7. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. №1–2(9–10). С. 74–80.

REFERENCES

1. Kerbrat-Orecchioni C. Irony as a clue. *Irony. Archive Diary Literary translations*. Ed. M. Głowiński. Gdańsk, 2002, ss. 109–145.
2. Wittgenstein L. Filozofskiye issledovaniya [Philosophical Investigations]. *Filozofskiye raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 75–319.
3. Arutyunova N. D. Problema chisla [The problem of number]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical analysis of language. Quantitative aspects of language]. Moscow, 2005, pp. 5–20.
4. Wolf E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. Moscow, 1985. 228 p.
5. Krzhizhkova E. Kolichestvennaya determinatsiya prilagatel'nykh v russkom yazyke (leksiko-sintaksicheskiy analiz) [Quantitative determination of adjectives in Russian language (lexical and syntactic analysis)]. *Sintaksis i norma* [Syntax and norm]. Moscow, 1974, pp. 122–145.
6. Ermakova O. P. Perekhod kachestva v kolichestvo (o prirode intensifikatorov) [Transition in the number of quality (the nature of intensifiers)]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical analysis of language. Quantitative aspects of language]. Moscow, 2005, pp. 272–280.
7. Ermakova O. P. Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii) [Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 74–80.

Статья поступила в редакцию 18.05.2016.

FOR CITING

Ermakova O. P. Intensifiers and deintensification in ironic contexts. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141. (in Russian).